

НЕ КАНТОВАТЬ! С М Е Х.

Урок эстетики ведет народный артист СССР Михаил ЖАРОВ.

Что есть комедия? Искусство потешать зрителя? Или умение заставить человека весело, от души посмеяться, а потом задуматься над тем, что же вызвало его смех? Сделать так, чтобы зритель после спектакля или фильма попытался взглянуть на себя со стороны, подвергнуть нравственной проверке свои собственные мысли и поступки, — и эту задачу вправе поставить и разрешить комедия. Вот тема беседы нашего корреспондента с народным артистом СССР, Михаилом Жаровым.

□ □

— Михаил Иванович, ваш творческий путь в театре и кино проходит, так сказать, «под знаком комедии». Не могли бы вы сказать, что для вас самое дорогое в «искусстве смешного». И какие, на ваш взгляд, достоинства отличают этот жанр от других жанров драматического искусства?

— Вы, вероятно, извините меня, если я не стану пускаться в «высокие» размышления, а попробую просто рассказать, сколь долгий путь пришлось мне самому пройти к пониманию, что есть истинная комедия. В молодости моя неуклюжая внешность, любовь к озорству, желание смешить, неуемная фантазия способствовали тому, чтобы я стал характерным артистом. А главное — я обрел в себе способность видеть многое под другим углом зрения, чем окружающие меня люди. Я мог увидеть смешное там, где, казалось бы, его и быть не могло. На сцене театра я делал все для того, чтобы рассмешить публику. Смех в зрительном зале являлся тогда самым большим признанием моего успеха. Я не придумывал трюки, они рождались сами. Их надо было только успевать отбирать. Мне удавалось вставлять их даже в драматические спектакли. В пьесе «Потоп», играя старика, я после телефонного звонка брал трубку микрофоном к уху и долго соображал, в чем здесь дело. Смех в зале, так усаждавший мой слух, поощрял меня придумывать новые, еще более эксцентричные «штучки».

Удивляла меня одна вещь: когда я появлялся в комедийной роли в драме, это вызывало куда больший смех и удовольствие зрителей, чем когда я выступал в «чистой» комедии. Вероятно, такие вещи происходят в силу контраста. Шекспир, прекрасно представляя состояние публики в тот или иной момент действия, вводил в трагедию комический персонаж, такой, как могильник в «Гамлете» или шут Тринкуло, которого я играл в пьесе «Буря». Но у Шекспира подобные комические персонажи выполняют немаловажную роль: благодаря им высокая философская мысль трагедии (если говорить популярно) предстает в более практическом, приземленном аспекте, становится ближе и понятнее тысячам и тысячам зрителей. Мои же герои зачастую лишь давали людям в зале разрядку. Когда я понял, что это и есть причина успеха, естественно, меня перестало удовлетворять подобное положение.

Нет, я не отказался от трюков, как от технического приема, но теперь я старался совместить их с правдой поведения персонажей, выявлять мысль, которая оправдывала бы самые невероятные и эксцентрические трюки. Зрителю нужно было доказать, что этот герой не мог поступить или сказать иначе, что трюк здесь — необходимость. Эксцентрическая комедия перестала занимать мои помыслы, ее место заняла комедия характеров и положений. Оказалось, что настоящий комедийный артист может вызывать у зрителя какие-то другие чувства, помимо смеха, это может быть грусть и презрение, сочувствие и любовь.

Настоящая комедия не может сводиться лишь к веселому, непритязательному анекдоту. Она непременно должна заключать в себе большую мысль, откровение художника. Если за смешным не скрывается глубокого наблюдения над жизнью, человек посмеется и сразу все забудет. А ведь самое главное, чтобы он еще и задумался.

— Многие зрители знают вас предпочтительно по фильмам. Не могли бы вы рассказать о своей работе в кино?

— Я с благодарностью вспоминаю, как режиссер Протазанов, мой киноучитель, не найдя подходящей роли в своей сатирической комедии «Дон

Диего и Пелагея», ввел меня в картину как... Михаила Жарова. В моей жизни были «Медведь» — лента, пользовавшаяся колоссальным успехом у публики, «Близнецы» и другие. Интересными с точки зрения комедийности кажутся мне и работы в исторических фильмах «Петр I», «Богдан Хмельницкий», «Степан Разин» и, конечно, в незабываемой трилогии о Максиме. На первый взгляд кажется, что общего — историческая драма и комедийность? Но оказалось, что значительно легче играть исторический персонаж, если удастся найти в нем живого человека, подверженного даже некоторым человеческим слабостям. Мои герои в таких фильмах, как правило, были большие жизнелюбы, вокруг них, естественно, возникала атмосфера веселья, радости, любви.

— С каждым годом на экране появляется все больше комедий. Имена режиссеров, которых еще недавно называли «молодые», вызывают сегодня широкую популярность. Что, на ваш взгляд, наиболее интересно в кинокомедиях последних лет?

— Я очень люблю Леонида Гайдая, люблю смотреть его смешные, но всегда с поучительной хитрецей фильмы. Лента о Барбосе и трех друзьях, без сомнения, интересный эксперимент эксцентрической кинокомедии, но уже в последующих фильмах знаменитая тройка начала повторять себя. Гайдай — умный и талантливый комедиограф, он знает сокровенные секреты смеха и постоянно ищет новые пути. Вспомните хотя бы «Кавказскую пленницу». Самая большая удача картины — Этуш в роли жениха, на его фоне «великолепная тройка» смотрится уже слабее. Именно Этуш вызывает гомерический смех в зрительном зале, хотя незаметно, чтобы он стремился к этому больше, чем остальные актеры. Главное, персонаж, сыгранный Этушем, узнается в зрительном зале, за ним скрываются сотни подобных, хорошо знакомых зрителям. Поэтому его разоблачение вызывает такое удовольствие у публики. Каждый новый фильм Леонида Гайдая безусловно шаг вперед, и все свидетельствует о том, что нас еще ждут веселые сюрпризы на премьерах его лент.

Комедии Эльдара Рязанова и других режиссеров спокойнее, менее озорные, но и в них очень много тонких наблюдений над жизнью, а это верный путь к смешному.

— Каждый народ имеет национальный комический героя. Тот создал на экране чисто итальянский характер, Бурвиль и Фернандель — чисто французский, Норман Уиздом — английский. Не в этом ли заложена львиная доля их успеха?

— Ответьте мне, пожалуйста: к какой национальности вы относите героев Чаплина? Не правда ли, затруднительно ответить на этот, казалось бы, легкий вопрос? Зато возникает другая сложная проблема: связь комедии и комического героя со временем, с эпохой. Герой Чаплина точно датируется двадцатыми годами, годами растерянности и кризисов в капиталистическом мире. Недавно я смотрел фильм Чаплина «Король в Нью-Йорке». Великий комический артист появляется на экране без побившейся нам маски — это пожилой, элегантный, очень седой господин. И этот господин проделывал трюки прежнего Чарли. Мне почему-то стало отнюдь не смешно, а очень грустно.

— Случается, автор задумывает и делает свой фильм всерьез, а у зрителей эта картина завоевала популярность, как комедия. Так, например, случилось с работой В. Шукшина «Живет такой парень». Правомерно ли такая «переклассификация» жанров?

— Возможно, Шукшин на

самом деле не стремился сделать непременно «комедию», но в фильме ему удалось показать реального деревенского парня, обаятельного, доброго, не ахти какого мыслителя, и оказалось, что его герой по-настоящему комичен.

Есть смех и смех. И посмеяться — еще не значит обязательно кого-то обидеть. От смеха — один шаг до признания, и еще один шаг до настоящей любви. Режиссер и актер увидели в заурядном деревенском шофере то, на что до них не обращали внимания, и сумели передать правду о своем герое зрителям. Этот фильм можно было бы назвать «Дорогой наш человек». Герой, каким играет его Куравлев, слишком озабочен устройством дел разных людей, чтобы позаботиться о личном счастье.

Я сейчас снимаюсь в фильме «Деревенский детектив» по повести В. Липатова. Роль несколько неожиданная и трудная — участковый оперуполномоченный Анискин. Прочел повесть, ничего смешного в моем герое не обнаружил. Но он привлек каким-то своим, еще не понятным мною, обаянием. И неожиданно, когда я уже начал сниматься в картине, мне открылось, кто он, мой герой: так ведь это же «Макаренко в милицейской форме». Таким и буду играть Анискина, который мне все больше нравится.

— А можно ли быть уверенным, что зритель будет улыбаться, смеяться или плакать именно в тех местах, где на это рассчитывают создатели фильма или спектакля?

— Конечно, нет.

— А с вами такое случалось?

— Как-то мне досталась драматическая роль комиссара, который в особо напряженный момент действия должен был сказать: «Как вы знаете, я человек непьющий...» На премьере не успел я произнести эти слова, как в зале раздался хохот. Нетрудно было догадаться, в чем здесь дело: большинство зрителей запомнило меня по фильмам как человека, который непрочь выпить. Странное дело, когда я репетировал, мне и в голову не приходило, что зритель сопоставит моего комиссара с прежними героями, и получится комический эффект. Я крепко задумался. В следующий спектакль я попробовал сказать эти слова совсем тихо, проникновенно, как-то между прочим. В зале стояла тишина.

— Как вы относитесь к попыткам комедийных актеров играть драматические роли?

— Уверяю вас, такое случалось бы значительно чаще, если бы распределение ролей зависело только от самих актеров. В каждом человеке заключено комичное и трагичное. Все зависит от обстоятельств, в которые он поставлен. Поэтому характерному актеру легче перейти от драмы к комедии, от комедии к драме. Ведь хорошие драматические фильмы чаще случаются на экране, чем хорошие кинокомедии.

— Михаил Иванович, последний вопрос — о действительности комедийного образа. Может ли такой герой оказывать значительное влияние на вкусы и моральные нормы зрителя?

— Конечно. Только не стоит представлять, что после «Тартюфа» Мольера в семнадцатом веке исчезли ханжи и липеры (они мало изменились и сейчас), что, насмотревшись фильмов Жака Тати, буржуа стали бросать на произвол судьбы свои механизированные виллы, что после фильма «Волга-Волга» из нашей жизни в один момент исчезли бываловы. Эффект здесь по-моему несколько иной: высмеянные с такой силой беспощадности, что их имена стали нарицательными, бываловы, сидящие в зрительном зале, сразу поняли, что оставаться в прежнем обличье опасно — могут узнать, — и постарались замаскироваться еще искуснее, спрятаться еще глубже. Сокровенная цель комедии: найти их в новом обличье и высмеять с еще большей силой. Надо только не забывать, что смех — дело весьма ответственное. Думаю, если бы смех возможно было подавать зрителю в упаковке, не избежал бы надписи: «ОСТОРОЖНО В ОБРАЩЕНИИ! НЕ КАНТОВАТЬ!»